

Русских А. С.
студент УрФУ

ДОСТИЖЕНИЕ «ТОТАЛЬНОГО ЭФФЕКТА» ПУТЕМ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИЕМА ДВОЙНИЧЕСТВА В НОВЕЛЛАХ «ВИЛЬЯМ ВИЛЬСОН» И «ЧЕРНЫЙ КОТ» Э. ПО

Эдгар Аллан По выделяется среди европейских и американских писателей эпохи романтизма: «отрывается» от американского литературного колорита, являясь в этом смысле больше эстетическим, чем национальным романтиком. Его творчество носит универсальный, вненациональный и вневременной характер. Особенность романтизма Э. По – в перенесении концепции романтического двоемирия, влияния на героя высших сил добра и зла извне – внутрь человеческого сознания, в смещении акцента с противоборства человека с миром на противоборство человека с самим собой, так как человек в философии По – арена, поле сражения метафизических сил. Отсюда – оригинальный психологизм творчества, основанный на синтезе в человеке рационального как сущности, и иррационального как враждебной среды, препятствующей свободе этой сущности.

Так как человек у По-философа априори амбивалентен, то весь комплекс средств выражения концепции у По-писателя закономерно отражает эту амбивалентность. Во-первых, разясняя механизмы процесса создания литературного произведения в своих эссе [По 2013], автор говорит о необходимости соблюдения двух главных моментов – эффекта-впечатления как первоосновы, смысла всего творения и эффекта единства впечатления как формы и средства достижения и сохранения эффекта-впечатления. Эффект единства впечатления и сам эффект-впечатление, выступая как классическая дихотомия плана выражения и плана содержания, в целом оказываются воплощением единого авторского замысла: «Искусный писатель сочинил рассказ. Он не подгоняет мысли под события; тщательно обдумав некий **единый эффект** [выделено мной. – А. Р.], он затем измышляет такие события и их сочетания и повествует о них в таком тоне, чтобы они лучше всего способствовали достижению задуманного эффекта» [Александрова 1977: 130].

Во-вторых, реализация романтического двоемирия внутри этого совокупного, «тотального эффекта» тоже сама по себе амбивалентна:

главный герой находится в состоянии внутренней борьбы с влияющими на него силами и в то же время, одолеваемый этим противоборством, автоматически противопоставляется всему остальному миру как человек измененного сознания.

В-третьих, это состояние измененного сознания героя трактуется в произведении с противоположных позиций: с рациональной (со стороны окружения героя, сотрудников правопорядка и т. д.) и с иррациональной (со стороны героя, находящегося в борьбе).

По мере того, как мы «спускаемся» в системе «концепция – произведение – средства», сужая ракурс рассмотрения, нам открываются всё новые частные воплощения оригинального авторского замысла. Основным способом передачи внутренней борьбы героя в психологических новеллах Эдгара По является изображение его измененного сознания – ужаса, страха, одиночества, агонии, смерти – всего того иррационального, что оказывает на героя влияние. С этой точки зрения представляет интерес наиболее частный случай проявления амбивалентности в творчестве По – прием двойничества, реализованный непосредственно в сюжете новеллы.

Романтический двойник, являясь прямым следствием ощущения противоречивости мира, представляет собой враждебную герою среду, концентрированно воплощенную в конкретном существе. Сделав поправку на специфику романтической концепции По, можем утверждать, что двойник в его понимании – олицетворение и воплощение враждебных герою метафизических сил, запертых вместе с ним в его же сознании, а потому двойник – это одна из сторон личности героя, между которыми осуществляется романтическая борьба. Амбивалентна и самая сущность двойника: если аналитически посмотреть на сюжет новелл По, то оказывается, что двойник – это воплощение светлой стороны души, материализованное как преграда для темного начала, овладевшего человеком. В одноименной новелле эта темная сторона названа *бесом противоречия* и истолковывается как *врожденный импульс* [По 2013: 706–712]: поступать так, как не должно, поступать «во вред ради вреда», против себя, общества и морали.

Сквозь призму рациональных интерпретаций двойник у По есть не что иное, как подсознательный регулятор поведения, являющийся человеку во всей своей силе в ситуации соблазна или грехопадения. Появление двойника является симптомом раскола сознания героя, его внутренней борьбы с враждебным началом столь великим, что оно представляется отдельным самостоятельным существом.

Герой новеллы «Вильям Вильсон» в форме предсмертной исповеди рассказывает историю своего падения, признавая себя злодеем, но в то же время *жертвой ужаса*, роковых обстоятельств. История начинается с воспоминаний о детстве и сельской школе, в них описывается формирование властной натуры героя, способного подчинить себе любого сверстника – кроме одного. Герой описывает некоего человека с таким же именем, возрастом и датой рождения, даже внешностью – человека, единственно имеющего превосходство над ним, рассказчиком, по силе характера и воли. Постепенно школьная *неразлучная неприязнь* двух Вильямов Вильсонов перерастает в открытую жизненную борьбу: испытывая страх перед тем, в ком чувствует губительное для себя превосходство, герой всячески старается убежать от ненавистного *снисходительного покровительства*, но каждый раз в самый напряженный момент сталкивается лицом к лицу с человеком, воплощающим его кошмар. Герой всё глубже погружается в *мут разгула* – и всё чаще в его жизни появляется загадочный Вильям Вильсон. Первой кульминацией становится его появление после невероятной карточной победы героя: *фигура в плаще*, ссылаясь на чувство долга, бесцеремонно разоблачает героя-шулера, совершенно потрясенного этим. Он бежит снова – но ни в каком уголке света не находит убежища от своего проклятия в облике близнеца. Все решается при встрече на маскараде в Риме: взбешенный постоянным и неизбежным преследованием Вильсона, разъяренный его длительным на себя влиянием, герой вступает с «самозванцем» в вооруженное противостояние и смертельно ранит его. И в этот момент проясняется все: заглянув в лицо Вильсона, герой с ужасом узнает в нем свое собственное. Их судьбы переплетаются в появившемся зеркале: последние мельчайшие различия между ними стираются, и умирающий не-Вильсон провозглашает своей кончиной смерть и самого героя – *для мира, для небес, для надежды!*

Несомненно, перед нами романтический двойник главного героя. Учитывая, что «главный» Вильсон ведет распутную и бесчестную жизнь и открыто в этом признается, мы можем быть уверены в том, что двойник Вильсона – это воплощение его светлой стороны, противящейся такому падению. Аргументом служит ощущение героя, словно он был знаком с Вильсоном в детстве (когда его натура еще не была развращена и испорчена). С рациональной точки зрения – это моральное начало главного героя; потому смертью двойника провозглашается гибель героя для небес как символ его безвозвратного грехопадения. Однако это

не единственное прочтение, которое допускается построением новеллы: если допустить, что двойник Вильяма Вильсона в самом деле числился с ним в одном классе, обладал плотью и кровью (что позволило герою совершить его физическое убийство), что после карточного разоблачения в руках Вильяма Вильсона оказалось два идентичных плаща, хотя в подобном одеянии среди собравшихся был он один, – можно подозревать, что романтическое двойничество в новелле сливается с описанием реального психического расстройства героя.

В новелле «Черный кот» перед читателем снова исповедь героя – рассказ о том, как нежная, чуткая и светлая душа низверглась в адскую пучину. От природы кроткий и исполненный любовью к животным, герой после нескольких лет семейной жизни пристрастился к алкоголю, стал стремительно меняться в худшую сторону, проявлять агрессию и жестокость к близким. *Дьявольский соблазн* (здесь мы снова видим у По объяснение рационального через иррациональное и наоборот) сокрушил его уважение даже к любимцу-коту – и герой, вернувшись домой из кабака с навязчивой мыслью о том, что его любимый Плутон его избегает, в ответ на естественную защитную реакцию испуганного животного безжалостно вырезал ему глаз. Рассказывая об этом со стыдом, он уверяет, что им в этот момент завладел *демон ярости*. Однако вина о содеянном в помутненном сознании прошла с новой попойкой – зато усилилась злоба, поскольку воспаленная натура не принимала того, что калека-кот в страхе бежит от некогда любимого хозяина. Герой сокрушается по поводу дьявольского желания окончательно расправиться с котом, несмотря на любовь к нему. «Бес противоречия» одержал победу: признавая свой тяжелейший грех, герой всё же *хладнокровно* повесил Плутона именно потому, что кот любил его.

С этих пор раскол в душе героя, объясняемый изначально алкоголем, становится всё более неясным. Сперва невероятным образом в доме героя случается пожар, и сохраняется только прикроватная перегородка с появившимся на ней барельефом повешенного кота, а затем и физическое воплощение Плутона входит в жизни героя в виде котодвойника. История повторяется: несмотря на симпатию к новому коту, душа героя снова наполняется ядом злобы и жестокости. Однако в этот раз герой испытывает страх перед животным: весь его вид является напоминанием о совершенном убийстве. Вероятно, такое сожительство должно было привести героя к истинному раскаянию в своем грехе, но он утопает в ненависти окончательно. В нем не остается здравого смысла, заставившего

бы его сомневаться в необходимости нести зло. Когда кот в очередной раз путается у него под ногами, герой в бешеной ярости хватается за топор – и вся его сила обрушивается на жену, пытавшуюся спасти животное. Совершив новую, еще большую жестокость, герой подыскивает способ избавиться от трупа. Он замуровывает тело жены в подвале, исключив всякую возможность быть раскрытым. Герой безмятежен и почти счастлив: безопасность обеспечена, а кот бесследно исчез из дома. Неоднократный обыск полицейских ни к чему не приводит. И здесь «бес противоречия», захвативший душу героя, толкает его на глупую и необъяснимую провокацию, которая приводит к его разоблачению: он самостоятельно стучит по стене, скрывающей следы его убийства, и оттуда внезапно доносится дикий вой. Когда полицейские ломают стену и обнаруживают труп, герой с ужасом узнает сидящего на нем кота.

Двойником героя в этой новелле является Плутон как символ светлого и доброго начала в человеке, и призрак Плутона как роковое возмездие за попытку уничтожения этого светлого начала. Функция двойника здесь такая же, как и в «Вильяме Вильсоне»: призрак Плутона является своеобразным «последним шансом» вернуться на путь истинный – и он же оборачивается справедливой карой за преступление героя против себя и своего светлого начала. Плутон (и призрак) – это персонификация слома сознания героя, охваченного силами зла. В то же время рациональное объяснение случившемуся тоже возможно, если развить тему алкоголя как причины духовной деградации героя, заявленной в начале новеллы. В этом случае призрак Плутона превращается в галлюцинацию, провоцирующую помутненный разум на беспричинную агрессию и ярость. Но, как и в «Вильяме Вильсоне», однозначной трактовки падения героя автором в новелле не дается.

Таким образом, двойничество как феномен в психологических новеллах Эдгара По «Вильям Вильсон» и «Черный кот» отражает авторскую философско-романтическую концепцию: является приемом реализации «тотального эффекта» произведения, представляет собой частное воплощение двойственности, характерной для творчества По на разных уровнях рассмотрения, заключается в концентрированном изображении духовного и душевного слома героя под влиянием высших метафизических (либо физиолого-психических) сил, реализованном в конкретном физическом субъекте, и является воплощением этих сил как таковых, способных к разрушению человеческого сознания и приведению его к гибели.

ЛИТЕРАТУРА

Александрова З. Е. Новеллистика Натанела Готорна // Эстетика американского романтизма. М., 1977. С. 122–131.

ИСТОЧНИК

По Э. Полное собрание сочинений в одном томе / пер. с англ. СПб., 2013.

Харитонов А. В.
магистрант УрФУ

НОМИНАЦИИ ЕДЫ И НАПИТКОВ ПРЕДПРИЯТИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ ЕКАТЕРИНБУРГА: ОТРАЖЕНИЕ И КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Под территориальной (региональной) идентичностью понимаются «переживаемые и/или осознаваемые смыслы системы территориальных «общностей» (субъективной социально-географической реальности), формирующие «практическое чувство» и/или сознание территориальной принадлежности индивида» [Шматко, Качанов 1998: 94]. Однако региональная идентичность может анализироваться двояко: во-первых, «как самоопределение регионального сообщества» [Головнева 2017: 188], отражение мыслей и чувств субъектов идентичности относительно региона; во-вторых – как намеренно создаваемый конструкт, имидж региона, «форма представленности *Другому* (курсив авторский. – А. Х.)» [Там же].

Ввиду того, что понятие *регион* не имеет строгого определения и «человек может связывать свою идентичность с различными по объему реалиями» [Чудинов, Никифорова 2020: 110], для жителей Екатеринбурга являются актуальными три типа идентичности: 1) в масштабах города, 2) в масштабах области – Свердловская область, 3) в масштабах макрорегиона – Урал. Одним из способов вербализации существующих типов идентичности могут служить номинативные классы онимов, в т. ч. наименования еды и напитков, произведенных на данной территории, поскольку еда «относится к важному разделу материальной культуры» [Молчанова 2013: 20].